

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барова В. Р. Розена.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.
1902—1903.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

Въ результатѣ обѣ разобранныя книги г. Аннипскаго спеціалисту не дадутъ ничего, а непосвященныхъ могутъ ввести въ рядъ крупныхъ заблужденій.

Н. Марръ.

322. Н. О. Катановъ. Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань. Типолиитографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1903. XLII + 1539 + LX и отдѣльной брошюрой «Исправленія и дополненія» 8 стр.

Трудъ Н. О. Катанова распадается на нѣсколько отдѣловъ различной цѣнности и различнаго характера, почему мы и позволимъ себѣ прежде всего дать общій обзоръ его. На стр. 934 — 1053 даны тексты на урянхайскомъ нарѣчій (которое въ литературѣ болѣе извѣстно подъ названіемъ сойонскаго или сойотскаго) въ академической транскрипціи, снабженные русскимъ переводомъ; стр. 1 — 933 содержатъ фонетику и грамматику урянхайскаго нарѣчій, причемъ при каждомъ фонетическомъ и грамматическомъ явленіи систематически приводятся справки о соответствующихъ явленіяхъ во всѣхъ или по крайней мѣрѣ въ болѣе части извѣстныхъ автору турецкихъ нарѣчій какъ современныхъ, такъ и древнихъ. Эта часть труда снабжена огромными таблицами, которыя, надо полагать, должны способствовать наглядности и удобо-обозримости сообщаемого авторомъ матеріала. Нѣсколько выдѣляется по содержанію § 21 (стр. 30 и слѣд.), озаглавленный «Гласные монгольскихъ словъ», въ которомъ говорится о заимствованныхъ урянхайцами монгольскихъ словахъ и ихъ измѣненіяхъ. Небольшой экскурсъ объ удареніи и метрикѣ помѣщенъ на стр. 35 — 37 (§§ 22 и 23). Стр. 1054 — 1367 заняты многочисленными указателями, которые, надо отдать имъ справедливость, дѣйствительно значительно облегчаютъ читателю пользованіе книгой, имѣющей такіе солидные размѣры. Стр. 1369 — 1524 заняты библиографическимъ указателемъ литературы объ урянхайцахъ и ихъ землѣ, который, будучи конечно не бесполезенъ самъ по себѣ, не имѣетъ прямого отношенія къ избранной авторомъ темѣ. Въ предисловіи (I — XLII) Н. О. Катановъ даетъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія о народѣ, языкъ котораго онъ изслѣдуетъ и перечисляетъ нарѣчія, привлеченныя имъ для сравненія, и пособія, которыми онъ пользовался. Наконецъ остальная часть книги занята оглавленіемъ и «исправленіями и дополненіями», которыя вмѣстѣ съ вышедшими отдѣльно брошюрой занимаютъ 22 страницы.

Мы рассмотрим прежде всего то, что относится непосредственно къ матеріаламъ по урянхайскому языку и къ его описанію у г. К. и что мы считаемъ наиболѣе цѣпнымъ изъ всего его труда. Вообще говоря, тексты записаны тщательно, транскрипція точна и выдержана, переводъ не возбуждаетъ сомнѣній. Поэтому мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями. Н. О. Катаповъ ввелъ въ свою транскрипцію знакъ «j» вмѣсто простаго «i», но изъ его объясненій на стр. 2 совершенно неясно, почему и зачѣмъ онъ это сдѣлалъ; мы охотно вѣримъ, что урянхайскій «i» имѣетъ *какую то* особенность въ произношеніи, но *какую*, изъ объясненій г. К. понять невозможно. Совершенно незачѣмъ было вводить и знакъ «й», если правильно указаніе г. К. на стр. 3, что «й» и «j» произносятся одинаково; если это такъ, то г. К. слѣдовало и «послѣ гласнаго» и «передъ гласнымъ» писать преспокойно «j»; мы опять таки не имѣемъ причины сомнѣваться, что въ урянхайскомъ діалектѣ вторая часть дифтонговъ на «i» произносится уже какъ «j», но протестуемъ противъ введенія *двухъ* разныхъ знаковъ для одинаково произносимыхъ согласныхъ. Мелкія уклоненія въ транскрипціи отдѣльныхъ словъ и формъ, встрѣчающіяся у Н. О. Катанова, легко объяснимы отчасти индивидуальными особенностями его «передатчиковъ» (напр. повидимому все болѣе распространяющійся переходъ j въ j), отчасти темпомъ рѣчи (при болѣе быстромъ темпѣ нѣкоторыя звуко сочетанія обнаруживаютъ въ урянхайскомъ тенденцію къ переходу въ долгіе гласные, ср. русское «говорить», которое часто слышится какъ «горить») и представляютъ поэтому извѣстный интересъ. Менѣе ясны для насъ формы слова «чакъ», которое является и въ видѣ «чабъ» (936) и «шакъ» (39). На стр. 117, 11 говорится, что изъ «аіпкă, *изъ домъ*» выходитъ «аіпкăй»; такимъ образомъ «домъ» оказывается по урянхайски «аіп», что противорѣчитъ многимъ другимъ мѣстамъ книги, по которымъ домъ не «аіп» а «огъ». Возможно, однако, что въ какомъ-то діалектѣ «домъ» былъ «аіп», на что указываетъ быть можетъ слово «аіпсі, *жена*» (домоправительница?). Жаль, что авторъ не составилъ къ текстамъ спеціальнаго глоссарія; мы увѣрены, что именно его отсутствіе было причиной нѣкоторыхъ недоумѣній съ нашей стороны; такъ напр. для насъ неясно, что значитъ слово «кăргăнцігъ»: въ указателѣ на 1168 стр. оно переведено «милостивый, жалостливый», на стр. 566 — «щедрый», на стр. 976 — «ловкій», на стр. 782 — «жадный», на стр. 993 — «добрый» (въ послѣднихъ двухъ случаяхъ это слово стоитъ въ одномъ и томъ-же оборотѣ «караньці кăргăнцін»). Слово шілгі (= чілгі?) переведено 1023 «рыжій», между тѣмъ по указателю 1354 оно = «разукрашенный»¹⁾.

1) При переводѣ текстовъ оно, кажется, всегда переводится черезъ «рыжій»

Слово «іддгйт» (1034) переведено «Россія (собственно: «поселенное мѣсто»), а на стр. 1119 даны только значенія «вѣрность, честность»; глаголь «ѡупа» (1034) переведенъ «соблазнить», а 1152 — «высватать» и т. п. Мы надѣемся, однако, что эти и имъ подобныя недоумѣнія наши разьяслятся, когда выйдутъ въ свѣтъ полностью урянхайскіе тексты, печатаемые г. К. при Академіи Наукъ, которые будутъ снабжены, какъ мы слышали на диспутѣ¹⁾ отъ г. К., спеціальнымъ глоссаріемъ. Фонетика и грамматика урянхайскаго языка, составленныя г. К., также вообще говоря полны и удовлетворительны; кое-гдѣ не хватаетъ примѣровъ, напр. 24, 5); 25, 11), 12), 14), 16); 26, 20) и 23), но такихъ недостатковъ немного. Не можемъ не пожалѣть также о томъ, что авторъ не привелъ полныхъ парадигмъ въ видѣ таблицъ при спряженіи и особенно склоненіи; эту практичную традицію слѣдовало бы соблюсти въ видахъ облегченія читателя. Болѣе важнымъ недостаткомъ книги г. К. является, на нашъ взглядъ не вполне удовлетворительное знакомство автора съ современной фонетикой, современными научными лингвистическими взглядами и приѣмами, способами изложенія, терминами и т. п., вслѣдствіе чего общее впечатлѣніе отъ книги получается такое, что она — сочиненіе не вполне научное, стоящее какъ бы по серединѣ между такими трудами, какъ напр. извѣстное «Über die Sprache der Jakuten» О. Бётлингга, и массою грамматикъ другихъ турецкихъ нарѣчій, какъ чисто практическихъ, такъ и претендующихъ на извѣстную «научность», многія изъ коихъ приведены хотя бы у г. К. на стр. XIX—XXIII его предисловія. Разбирать всѣ мѣста сочиненія г. К., въ которыхъ допущены имъ различныя промахи или которыя слѣдовало бы изложить иначе, мы не будемъ, а ограничимся немногими примѣрами.

На первомъ мѣстѣ мы поставили бы въ этомъ отношеніи смѣшеніе г. К. гласныхъ твердыхъ съ широкими и мягкихъ съ узкими; это не случайный lapsus, такъ какъ это смѣшеніе проходитъ черезъ всю книгу. Неудовлетворительна также классификація согласныхъ звуковъ на стр. 38. Неудаченъ § 22, въ которомъ протяженіе или удвоеніе конечнаго согласнаго отождествляется съ паузою (sic!), поставляемою послѣ конечнаго слога, а все это явленіе называется удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; попутно авторъ замѣчаетъ также ошибочно, что въ русскомъ языкѣ удареніе состоитъ въ протяжномъ произношеніи гласнаго. Совершенно неясно также изъ § 23, на чемъ основано стихосложеніе у урянхайцевъ, на счетѣ слоговъ или на

---

1) Разбираемый трудъ г. К. былъ представленъ имъ въ Факультетъ Восточныхъ Языковъ СПб. Университета въ качествѣ диссертации на степень магистра и защищенъ 7-го декабря 1903 г.

долготѣ и краткости и т. п. На стр. 119 § 36 озаглавленъ «Удвоеніе кор-ней (аллитерація)» (sic!). Неудачно изложено также пунктъ о) на стр. 110, приче́мъ послѣдній изъ приведенныхъ тамъ примѣровъ къ дѣлу не отно-сится. Встрѣчаются у автора и такія ненаучныя выраженія, какъ напр. на стр. 461 д) «вспомогательные гласные, вставляемые для легкости про-изношенія» и т. п. Странно также, что г. К. постоянно говоритъ о «перехо-дахъ» звуковъ урянхайскаго нарѣчія, когда сравниваетъ ихъ со звуками другихъ нарѣчій, хотя бы даже и древнихъ. При такомъ способѣ выра-жаться выходитъ, что урянхайскій діалектъ есть тотъ источникъ, изъ кото-раго выдѣлились всѣ остальные; правильнѣе было бы говорить о соответ-ствіи звуковъ въ различныхъ нарѣчіяхъ.

Иногда авторъ, какъ кажется, не можетъ рѣшиться порвать съ нѣко-торыми традиціонными объясненіями, такъ напр. послѣ изслѣдованій уйгур-скаго языка и языка орхонскихъ надписей, совершенно ясно, что сохрани-вшіяся въ различныхъ діалектахъ «нарѣчія» на -ын, -ип, -ун -ун представ-ляютъ собою несомнѣнно остатки древняго «орудійнаго» падежа (Instru-mentalіs), который, какъ падежъ, утраченъ всѣми извѣстными новыми діа-лектами. Между тѣмъ г. К. выражается объ этихъ нарѣчіяхъ очень не ясно, а на стр. 407 какъ будто не прочь свести ихъ опять къ винительному падежу съ суф-фиксомъ. На 683 стр. § 64 г. К. повидному въ угоду мно-гочисленнымъ грамматикамъ различныхъ турецкихъ нарѣчій находятъ и въ урянхайскомъ «неопредѣленное наклоненіе» на -арѣа, -арга и т. д., хотя самъ-же прибавляетъ, что «по своей конструкціи (оно) есть то-же, что я дательный падежъ причастія будущаго времени». Между тѣмъ слѣ-довало просто сказать, что это причастіе или помен *verbi* въ дательномъ падежѣ означаетъ въ урянхайскомъ, какъ и во многихъ другихъ турецкихъ діалектахъ, стремленіе къ дѣйствию и перенести все это замѣчаніе въ син-таксисъ, такъ какъ образованіе этой причастной формы было уже разсмо-трѣно выше на стр. 533 — 544, и занимать этою-же самою формою еще 4 страницы не представлялось ни малѣйшей надобности. Вообще г. К. включилъ въ свою книгу много лишняго и многое можно было бы изложить короче. Безусловно балластомъ мы считаемъ напр. приведеніе при каждой отдѣльной формѣ справокъ о томъ, какъ эта форма или соответствующая ей въ другихъ турецкихъ нарѣчіяхъ *называлась* различными учеными и quasi-учеными составителями грамматикъ различныхъ турецкихъ нарѣчій. Эти справки въ общей сложности занимаютъ не одинъ десятокъ страницъ, не принося никакой пользы читателю; вмѣсто нихъ было бы гораздо пріят-нѣе видѣть опредѣленія различныхъ грамматическихъ понятій и объясненія самого г. К., въ какомъ смыслѣ онъ употребляетъ грамматическіе термны

и почему изъ нѣсколькихъ употребительныхъ онъ предпочитаетъ тотъ или другой. Далѣе во многихъ случаяхъ балластомъ нужно признать и чрезмерное количество примѣровъ; такъ напр. на стр. 104—105 г. К. весьма подробно разсматриваетъ переходы начального л (l) въ суффиксахъ -ла, -лыѳ, -лар (съ ихъ вариантами) послѣ различныхъ конечныхъ согласныхъ корня. Въ виду того, что переходы эти совершенно одинаковы во всѣхъ трехъ суффиксахъ, пункты з), и) и і) можно было бы смѣло соединить въ одинъ, но г. К., не довольствуясь столь подробнымъ изложеніемъ вопроса на стр. 104—105, даетъ ниже *семь съ половиною* страницъ примѣровъ на вариацию суффиксовъ -лыѳ, -lĭg (173—180) и т. д., *полторы* страницы на вариацию окончаній -лар, -lār (212—213) и *семь* страницъ на вариацию суффикса -ла, -lā (431—438)! По нашему мнѣнію весь вопросъ объ этихъ суффиксахъ умѣстился-бы на одной, много полоторыхъ страницахъ, и подобныхъ примѣровъ черезчуръ подробнаго изложенія у г. К. найдется не мало. Далѣе при изложеніи фонетики и грамматики урянхайскаго языка г. К. принялъ, какъ мы уже выше указали, систему при разсмотрѣніи каждаго звука или звукового комплекса, при описаніи каждой грамматической формы приводить соответствующіе звуки, звуковые комплексы и грамматическія формы изъ всѣхъ другихъ ему извѣстныхъ турецкихъ нарѣчій живыхъ и мертвыхъ, въ которыхъ оцъ могъ таковыя отыскать. Всѣ эти справки¹⁾ остаются однако въ громадномъ большинствѣ случаевъ сырымъ матеріаломъ, которымъ авторъ не пользуется для какихъ либо лингвистическихъ построений или для историческаго объясненія хотя бы урянхайскихъ словъ и формъ. Онъ довольствуется только тѣмъ, что путемъ весьма примитивнаго статистическаго приѣма, констатируетъ наибольшую близость урянхайскаго діалекта къ карагасскому и нарѣчіямъ турковъ Томской и Енисейской губ. (стр. XXIX—XXXVI предисловія). Сходство это несомнѣнно, оно бросается въ глаза и для констатированія его неужно было даже справляться со столь большимъ числомъ различныхъ турецкихъ грамматикъ, а тѣмъ болѣе печатѣмъ было *перепечатывать* всѣ эти справки.

Мы не упрекнули-бы г. К., если бы онъ ограничился подробнымъ и точнымъ описаніемъ урянхайскаго діалекта; такія чисто-описательныя монографіи по отдѣльнымъ еще неизслѣдованнымъ нарѣчіямъ весьма желательны и всегда будутъ имѣть свою цѣну. Но конечно при изслѣдованіи

1) Напечатаны онѣ собственно дважды: разъ въ текстѣ и другой въ видѣ громадныхъ неудобобозримыхъ таблицъ, причѣмъ діалекты расположены въ искусственномъ и съ лингвистической точки зрѣнія чисто-случайномъ порядкѣ ихъ русскихъ названій. Такимъ образомъ азербейджанское нарѣчіе оказалось рядомъ съ алтайскимъ, башкирское съ бельтирскимъ, древне-тюрское (т. е. орхонское) съ ишимскимъ и т. п.

отдѣльнаго нарѣчія туркологовъ можетъ задаться вопросами о происхожденіи этого нарѣчія, о мѣстѣ, которое оно должно занять въ системѣ турецкихъ нарѣчій вообще, о происхожденіи, древности (или наоборотъ новости) различныхъ его фонетическихъ явленій, суффиксовъ, словъ и грамматическихъ формъ. Въ такомъ случаѣ конечно необходимо привлечь для сравненія и подходящій къ каждому отдѣльному вопросу матеріалъ, доставляемый другими нарѣчіями новыми и древними¹⁾. Такая работа сведется непременно къ составленію сравнительной исторической грамматики турецкаго языка или по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ главъ ея, между тѣмъ именно для такого рода работы время еще, по нашему убѣжденію, не настало, ибо не всѣ современные діалекты намъ извѣстны и далеко недостаточно наше знакомство съ орхонскою, уйгурскою, староосманскою и «джагатайскою» письменностью. Такимъ образомъ при настоящемъ положеніи туркологіи возможно лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнительно-историческое объясненіе словъ, формъ и фонетическихъ явленій въ отдѣльныхъ діалектахъ. При громадныхъ діалектологическихъ знаніяхъ, обнаруженныхъ авторомъ, намъ показалось нѣсколько страннымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ уклоняется отъ анализа даже тамъ, гдѣ таковой вполне возможенъ. На стр. 470 е) пунктъ 1) онъ отказывается дать этимологию цѣлаго ряда глаголовъ, корни которыхъ въ большинствѣ случаевъ легко могутъ быть найдены въ другихъ турецкихъ нарѣчіяхъ. Особенно странно въ larsus со словомъ «күцүрән», которое конечно происходитъ отъ «күцүр»; последнее-же, по автору, заимствовано изъ монгольскаго языка (152), а значеніе его «молодецъ» съ несомнѣнностью явствуется изъ 12-ой строфы стиховъ, помѣщенныхъ на стр. 1040 (ср. также 1185). Въ этомъ-же самомъ пунктѣ е) на стр. 470 содержится положеніе, что «къ среднимъ или возвратнымъ глаголамъ должны быть отнесены также всѣ глаголы, оканчивающіеся на «н» и т. д., причемъ говорится, что такіе есть и въ «прочихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ». Едва-ли г. К. съумѣетъ дать этимологию хотя бы всѣхъ односложныхъ турецкихъ глаголовъ, оканчивающихся на «н», а потому и считать ихъ непременно возвратными, нѣтъ основаній. Мы видимъ такимъ образомъ, что огромный діалектологическій матеріалъ, припечатанный, если можно такъ выразиться, авторомъ къ его въ общемъ описательной грамматикѣ урнхайскаго языка, не имѣетъ впутренней связи съ этой послѣдней и потому въ лучшемъ случаѣ можетъ служить для справокъ²⁾. Справедливость требуетъ замѣ-

1) Разуиѣется и при такой работѣ необходимъ сознательный критическій *выборъ* матеріаловъ, а не чисто-механическое ихъ сопоставленіе или нагроможденіе, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ книгѣ г. К.

2) Мы думаемъ однако, что, если бы намъ пришлось справляться относительно какой

тить, что для живых современных турецких диалектов автор пользовался не только огромным количеством пособий, но и личными своими наблюдениями над произношением различных турков, с которыми ему приходилось знакомиться во время своих многочисленных путешествий. Живя в Казани, автор не упускал случая входить в личные отношения с представителями различных турецких народностей, временно проживавшими в Казани, и таким образом дополнять свои сведения и проверять свои пособия (см. стр. XXIII — XXVII предисловія). Такой образ действий заслуживает конечно безусловно одобрения, и, насколько мы можем судить, материал, приводимый автором, по живым современным турецким наречиям, точен и надежен, — мало того для некоторых наречий, напр. кашгарского, яркендского, турфанского, хамийского и др. материал этот представляет совершенную новость, так как впервые собран самим г. К. Неудовлетворительны с лингвистической точки зрения только материалы для сартовского наречия, собранные гг. Налликиными в виду незнакомства их с фонетикой и научной транскрипцией.

Автор не ограничился однако приведением материалов по современным турецким наречиям, но включил в свой труд и данные языков орхонского, уйгурского, куманского и джагатайского, причем в эти материалы вошло довольно значительное количество неправильностей и неточностей. Дело в том, что произношение древних диалектов необходимо так или иначе *реконструировать*. В некоторых случаях напр. для орхонского диалекта такая реконструкция является делом *сравнительно* простым, так как орхонская азбука в применении к турецкому языку превосходит по богатству и точности и уйгурскую, и арабскую. Однако и при реконструкции орхонского произношения вышли разногласия между учеными; еще больше разногласий получилось при реконструкции звукового состава уйгурского диалекта. При таком положении дела автору, желавшему непременно привлечь и эти диалекты для сравнения, необходимо было самостоятельно изучить эти древние письменности и относящуюся к ним литературу, и затѣм или сознательно примкнуть к той или другой реконструкции, или попытаться дать новую самостоятельную. Между тем в справках, приводимых г. К. по части древних диалектов, видно неполное знакомство его с письменностью их и литературою предмета, а главное иногда пестро, к ка-

---

нибудь, положимъ, азтайской формы, то мы всетаки предпочли-бы заглянуть въ грамматику Н. И. Ильминскаго или тексты В. В. Радлова изъ опасенія стать жертвою случайной ошибки или опечатки, безъ которыхъ немислимы такіе огромные труды какъ г. К.

кой изъ предложенныхъ реконструкцій г. К. примыкаетъ. Такъ напр. по орхонски «быть сытымъ» не «тотъ» (43,3 снизу), а «тодъ» (𐰽𐰺𐰏) «посылатъ» — не «ытъ», а «ыдъ» (𐰽𐰺) «надѣвать» — не «кѣтъ», а «кѣдъ» (𐰽𐰺*)¹⁾. Между тѣмъ судьбы конечнаго орхонскаго «т» и «д» въ дальнѣйшей исторіи турецкаго языка совершенно различны; мало того весьма вѣроятно, о чемъ мы впрочемъ не находимъ удобнымъ распространяться здѣсь, что этотъ звукъ былъ въ орхонскомъ междузубнымъ (interdentalis), какъ предположилъ проф. В. Томсенъ, и въ чемъ, какъ кажется, мы напрасно сомнѣвались (Памятникъ въ честь Кюль Тегина, стр. 53 и слѣд. Зап. Вост. Отд. томъ XII). Слова «андады, тамошній» (196,6) нѣтъ въ орхонскихъ надписяхъ; оно должно было бы звучать «андакы». Между прочимъ я ак. В. В. Радловъ отказался вполнѣ отъ своего прежняго толкованія, какъ можно видѣть изъ стр. 160 его Die Altürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, 1897. На 299 стр. г. К. говоритъ, что въ словѣ «баш, пять» знакъ для «і» поставленъ будто бы въ орхонскомъ для того, чтобы не вышло «баш». Это замѣчаніе неосновательно потому, что знакъ 𐰽, съ котораго начинается это слово въ орхонскомъ, дѣлаетъ невозможнымъ произношеніе «баш». Вопросъ-же о томъ, почему въ этомъ словѣ поставлено 𐰽 послѣ 𐰽, въ высшей степени сложенъ, ибо стоитъ въ связи съ произношеніемъ «і» «ѣ» или «е» въ цѣломъ рядѣ турецкихъ корней²⁾. Недостаточное знакомство съ языкомъ орхонскихъ надписей сказалось и въ ссылкахъ г. К. на извѣстную форму на -сар и приуроченія ея. Въ виду того, что она въ орхонскомъ не спрიაгается по лицамъ, а остается неизмѣнною, хотя по смыслу иногда ясно относится, напр. ко второму лицу единств. числа (см. у насъ «Памятникъ въ честь Кюль Тегина», стр. 62, восьмая строка «малой надписи» и др.), ее нельзя просто называть условною формою и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ сопоставлять съ условными спрягаемыми³⁾ формами другихъ діалектовъ (ср. у г. К. стр. 620, пунктъ 7); между тѣмъ по примѣрамъ, приводимымъ г. К. на стр. 627, можно думать, что эта форма въ орхонскомъ только и встрѣчается какъ личная форма 3-го лица единств. числа условнаго времени (или наклоненія). Замѣтимъ кстати, что изъ всѣхъ современныхъ нарѣчій

1) Этотъ послѣдній глаголъ вообще не несомнѣненъ для орхонскаго діалекта, встрѣчается только 𐰽𐰺𐰏𐰺.

2) Объ этомъ вопросѣ, поднятомъ проф. В. Томсеномъ, см. у насъ «Памятникъ въ честь Кюль Тегина», стр. 20 слѣд.; Karl Foy, Türkische Vocalstudien (Mittheilungen des Seminars für Oriental. Sprachen Jahrg. III, Abth. II 1900; Dr. W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vocalsystems (Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg V série, T. XIV, № 4) 1901; Vilh. Grønbech, Forstudier til tyrkisk lydhistorie, s. 99—101.

3) Подъ спрягаемымъ мы разумѣемъ присоединеніе предикативныхъ или притяжательныхъ мѣстоименныхъ аффиксовъ для обозначенія лицъ.

конечный «р» этой формы сохраняло только якутское. Если не ошибаемся, сопоставление орхонской формы на -сар съ якутскою на -тар, -дар, -лар (съ ихъ вариантами) печатно до г. К. еще не было сдѣлано. Мы продолжаемъ считать орхонскую форму дѣсричастіемъ; съ такимъ взглядомъ хорошо мирятся особенности ея употребленія въ уйгурскомъ, а сиряженіе аналогичной формы въ якутскомъ вполне соответствуетъ хотя бы казакъ-киргизскимъ формамъ «кылыпшы, кылыпсы, кылынты» и т. д., производимымъ отъ другой дѣсричастной формы «кылып».

Совершенно неяснымъ осталось для насъ отношеніе г. К. къ уйгурскому языку. Прежде всего во всей его книгѣ нѣтъ даже упоминанія о послѣдней работѣ проф. В. Томсона по уйгурской фонетикѣ и реконструкціи языка Кудатку Бялика, или, какъ онъ доказываетъ, Кутадуу Билигъа. Правда эта интереснѣйшая работа вышла во второй половинѣ 1901 года, когда половина книги г. К. была уже напечатана (Revue Orientale 1901 p. 241 sqq.), но тѣмъ не менѣе, въ виду ея выдающагося значенія, намъ кажется, г. К. необходимо было не только упомянуть о ней, но и опредѣлять свое къ ней отношеніе. Далѣе г. К. говорятъ, что пользовался для уйгурскаго языка трудами I. Клапрота, Г. Вамбери и В. В. Радлова, но нигдѣ не опредѣляетъ, какимъ образомъ онъ относится къ различнымъ, часто противоположнымъ взглядамъ этихъ ученыхъ. Несомнѣнно, что языкъ, о которомъ даетъ свѣдѣнія I. Клапротъ въ своей известной «Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren» 1820, не можетъ быть поставленъ на одну доску съ настоящимъ древнимъ уйгурскимъ, а потому трудъ Клапрота совсѣмъ не слѣдовало привлекать. Г. Вамбери заявилъ самъ (Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik, S. III—IV), что не находить возможнымъ дать точную и послѣдовательную транскрипцію языка изслѣдуемаго имъ памятника. Такимъ образомъ единственной *систематической* реконструкціей уйгурскаго языка, которую знаетъ г. К., является реконструкція ак. В. В. Радлова, но г. К. нигдѣ не говорятъ, признаетъ-ли онъ эту реконструкцію, и, если не признаетъ, какъ можно думать по его собственной транскрипціи, то на какихъ основаніяхъ и что именно онъ ставитъ на ея мѣсто. Изъ приводимыхъ г. К. цитатъ, а также изъ стр. 16 т) можно заключать, что г. К. не признаетъ въ уйгурскомъ языкѣ звука «ь», съ чѣмъ едва-ли можно согласиться. На стр. 66 е) 1 уйгурское отегъ приводятся, какъ «переходъ» урянхайскаго «д» въ «т», что направлено прямо противъ теоріи ак. В. В. Радлова; съ другой стороны слово нога г. К. транскрибируетъ повидимому адак. (67). Если такимъ образомъ онъ не ставитъ зубныхъ звуковъ этихъ

двухъ словъ на одну доску, то мы ожидали-бы и транскрипціи *بدر* какъ «ыд» *بدر* какъ «бод», однако находимъ на стр. 44 ыт, а на стр. 43 е) «бот». Непонятно также почему г. К. пишетъ «тацриѣа» (246), когда по уйгурски пишется *تاترىئا*. На стр. 697, 35) г. К. приводитъ уйгурскія формы «көрүмäs, білүмäs» въ качествѣ просто будущаго времени съ отрицаніемъ, между тѣмъ какъ это — форма, выражающая отрицаніе *возможности* дѣйствія.

Въ транскрипціи куманскаго діалекта г. К. повидимому слѣпо идетъ за ак. В. В. Радловымъ, между тѣмъ транскрипція его представляется намъ далеко не неоспоримою. Такъ напр. налчность звука «ц» въ куманскомъ, какъ намъ кажется, не можетъ быть вполне доказана одними наблюденіями надъ орфографіею извѣстнаго Codicis Cumanici. Трудно отдѣлаться отъ мысли, что весьма частое тамъ «с̄» не есть «ч», а «ц», тогда какъ въ транскрипціи европейцевъ «ѣ» служитъ (а потому вѣроятно и служило) именно для «ч». Гораздо важнѣе однако то обстоятельство, что въ собственныхъ половецкихъ именахъ, сохраненныхъ русскими лѣтописями, встрѣчается «ч», а не «ц»¹⁾. О какомъ либо особенномъ произношеніи *چ* въ кипчацкомъ (т. е. куманскомъ или половецкомъ діалектѣ) ни слова не говорятъ арабскіе грамматики, писавшіе объ этомъ языкѣ въ XIII—XIV вѣкахъ въ Египтѣ (см. о нихъ у насъ «Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ», стр. VIII—IX). Особенно неудобно транскрибировать слово «хас» черезъ «цац» (волосы), такъ какъ едва-ли въ этомъ словѣ «х» и «с» означали одинъ и тотъ-же звукъ, каковъ бы онъ ни былъ. Куманскіе «и» (т. е. «у») г. К. передаетъ иногда вслѣдъ за В. В. Радловымъ черезъ «ы», напр. *ялбарыр, уялыр* (541), тогда какъ ничто не мѣшаетъ читать эти формы «*ялбарур, уялур*». Транскрипція «*цакүңдәр*» (218) едва ли удачно упрощаетъ, если можно такъ выразиться, нелегкое для пониманія начертаніе Codicis Cumanici «*čowgüčler*» и т. п.

Что касается джагатайскаго языка, то въ виду неопредѣленности этого термина, слѣдовало точно указать, какия именно произведенія среднеазиатской турецкой литературы имѣлись въ виду авторомъ. При этомъ необходимо было сзудить значеніе этого термина; вмѣсто этого мы видимъ,

1) Слѣдующія имена взяты нами изъ «Лѣтописи по Ипатскому списку» изд. 1871 г.: Бурч(евичъ) 454; Елдечукъ 434; Кочий 184; Куначюкъ 421; Колдечи 451; Кочаевичъ 451; Кончакъ 428, 429, 430 и т. д. (это имя является иногда въ формѣ «Кончакъ» несомнѣнно вслѣдствіе «цоканья» сѣверно-русскаго переписчика); Сърчанъ 480; Севенчъ 299; Ченгерепъ 184; Чилбукъ 434; Чюгай 421. Изъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку (1872) сюда идутъ: Чешюевъ 277 и Читѣвичи 289, 241. На «ч» указываютъ и нѣкоторые заимствованныя почти несомнѣнно у половецевъ слова, какъ напр. «кощей, чага, япончица», встрѣчающіяся въ «Словѣ о полку Игоревѣ», памятникѣ, неразрывно связанномъ съ половецами.

что г. К. на стр. XXIV предисловія ставить на одну доску Баберъ-нама, Кысась Рабгузи, Şagataische Sprachstudien Н. Vambergy, и даже «Краткую татарскую грамматику» Насырова! ¹⁾ О произношеніи древняго джагатайскаго языка (XV—XVI в.) можно будетъ серьезно говорить только послѣ изданія и изслѣдованія хотя нѣкоторыхъ датированныхъ джагатайскихъ памятниковъ этого періода, а произношеніе новоджагатайскихъ діалектовъ, къ числу которыхъ вадо отнести и упомянутый уже нами сартовскій, подлежитъ еще непосредственному наблюденію лингвистовъ-туркологовъ, такъ какъ имѣющіяся работы Г. Вамберя, Наливкиныхъ, Лапина и др. съ лингвистической точки зрѣнія неудовлетворительны. Вѣроятно сознавая такое положеніе вещей, г. К. перѣдко приводитъ «джагатайскія» формы и слова совсѣмъ безъ транскрипціи ²⁾, и тогда они теряютъ уже всякій *raison d'être*.

Считаемъ нужнымъ коснуться еще вопроса о заимствованныхъ по г. К. монгольскихъ словахъ въ урянхайскомъ языкѣ (стр. 30 § 21 и слѣд.). Намъ кажется, что, если какое-нибудь слово имѣется въ монгольскомъ и въ нѣсколькихъ турецкихъ нарѣчійхъ, или хотя бы въ одномъ изъ древнихъ, то окончательно считать его за монгольское не слѣдуетъ: весьма возможно, что оно турецкое и пошло изъ турецкаго въ монгольскій. Это особенно вѣроятно относительно древнихъ словъ, означающихъ различныя культурныя понятія. Поэтому на нашъ взглядъ по меньшей мѣрѣ спорными являются слѣдующія слова на стр. 30 и слѣд.: улус, *люди*; саидап, *дерево сандалъ* ³⁾; кула, *саорасый*; чак, *время*; чарлык, *приказъ*; шәріг, *войско*; äñij, *встникъ*; көкшүн, *престарѣлый*; кәп, *начальникъ, ханъ*; чарбы, *судъ*; конукъ, *сутки* и нѣк. др.

Въ заключеніе повторимъ, что авторъ изучилъ и сдѣлалъ общедоступнымъ новый почти совершенно до него неизвѣстный турецкій діалектъ, овладѣть которымъ было весьма нелегко уже по чисто вѣшнимъ причинамъ, поэтому и разбираемая книга всегда будетъ имѣть свое значеніе въ ряду монографій по турецкой діалектологіи. Остается только пожелать, чтобы авторъ обработалъ монографически другіе имъ однимъ изслѣдованные діалекты и чтобы собранные имъ богатые діалектические матеріалы по возможности въ скоромъ времени увидѣли свѣтъ. **Платонъ Меліоранскій.**

1) Онъ пользуется и словаремъ Ravet de Courteille'я, который также не совсѣмъ подходит къ перечисленнымъ пособиямъ, но на худой конецъ можетъ быть сопоставленъ съ Баберъ-нама.

2) Безъ транскрипціи приводятся имъ иногда и уйгурскія слова и формы, что также конечно бесполезно.

3) Это слово первоначально, кажется, санскритское передалось туркамъ и монголамъ черезъ посредство китайцевъ; судьбу его мы прослѣдить не беремся.